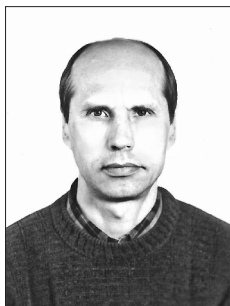

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Местонахождением этого табуированного культового объекта является Торская котловина — часть Тункинской долины, простирающейся на 200 километров между отрогами Восточного Саяна к юго-западу от южной оконечности Байкала.

Торская степь протянулась от села Тибельти до села Гужиры. Возвышающаяся за Гужирами большая Бычья гора (Еловский отрог) отделяет Торскую котловину от Тункинской. С ее вершины, как писал один из православных миссионеров-священников, побывавший там в начале XX века, «открывается роскошный вид на Торскую степь. Внизу расстилается большая равнина, покрытая живописным, разноцветным ковром посевов, лугов и кустарников. Кругом плотным кольцом ее окружают горы, частью покрытые лесом, частью совершенно голые. Посредине равнина прорезывается серебристой лентой р. Иркутта и небольшими речками, быстро и с шумом бегущими в него с гор. Вообще окрестности Гужир своей сказочной красотой поражают всякого заезжего сюда человека» (7, с. 613).

Одним из самых интересных природных и главных сакральных мест Торской котловины является Белый камень — скальное обнажение мрамора с абсолютной отметкой 1 050,3 метра, находящееся на склоне горного хребта между селами Гужиры и Далахай. Под воздействием времени мрамор быстро разрушается. По рассказам старожил, еще в 1970-х годах от скалы вниз по склону спускалась лишь узкая полоска осыпи. К настоящему времени она увеличилась в размерах в несколько раз и образовавшееся белое пятно хорошо заметно издали. Его отчетливо можно видеть, проезжая село Торы по тракту Култук–Монды.

По устным преданиям, записанным во второй половине XIX века, прапрадеды торских бурят были монголами, переселивши-

Белый камень. Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

мися сюда из Монголии в начале XVII века. Было их при переселении всего два рода. Некоторые из монголов кочевали тогда «в тех местностях, где теперь деревни Олха и Введенщина». С приходом сюда русских в середине XVII века, с основанием и развитием Иркутска они были вытеснены и «осели на занимаемой ими теперь местности Торской степи». В 1870-х годах их потомки буряты считали себя в девятом колене (8, с. 559–560).

Упомянутая уже Бычья гора получила свое название от мифологического предка бурятских племен булагатов и эхиритов Буха-нойона (бур. «Буха-нойон баабай» — «бык господин батюшка»). О Буха-нойоне сложено множество легенд, зачастую противоречивых. Записанное в XIX веке в Торской котловине предание повествует следующее.

По представлению торских бурят, Бычья гора есть не что иное, как окаменевшее туловище Буха-нойона. Сей бык, родоначальник и покровитель бурятского народа, шел некогда из Монголии навстречу русскому Буха-нойону, шедшему со стороны Иркутска (со стороны реки Китоя). Быки имели намерение сразиться между собой, чтобы решить, кому владеть всей страной. Монгольский Буха-нойон, пройдя до култукских гор и не встретив своего противника, повернул обратно, но на пути, около Гужир, окаменел, причем голова его на правой стороне Саяна в 10 верстах от Бы-

чьей горы образовала двухвершинную скалу, названную по ее белому цвету Сагаугун-Сырэдэж (Белая гора, скала) (15, с. 543; 16, с. 142; 21, с. 452; 7, с. 613–614).

Без сомнения, происхождение этого варианта легенды относится к не столь давнему времени: в ней отразился процесс проникновения русских в Тункинскую долину. В 1674 году русскими казаками на реке Иркуте в Тункинской котловине был поставлен Тункинский острог, южный форпост Прибайкалья.

В других, более древних, вариантах предания повествуется о сивом быке Буха-нойоне, вышедшем из Китая (Монголии) и прошедшем всю Тунку навстречу пестрому быку Тарлан Эрен буха. На пути Буха-нойона, там где он мочился, выросли кедровые рощи, а сама тропа («Бухайн харгы») отмечена ныне памятными местами: одной из вершин Хамар-Дабана («Бухайн харьдаг»), вулканом, где он отдыхал, греясь («Бухайн хэбтэшэ»), речкой Буха-горхон и др. (5, с. 24; 10, с. 237; 16, с. 142). Во владениях бурятского князя Тайжи-хана в Тункинской долине быки встретились и стали бодаться, вытаптывая все вокруг. Дочь Тайжи-хана прогнала их, но забеременела от взгляда (или мычания) Буха-нойона. По одним версиям, она родила одного сына (Булагата), по другим — двух (Булагата и Эхирита). После всех этих событий Буха-нойон лег на берегу Иркуты и окаменел. Об этом и свидетельствуют Бычья гора и Белый камень, имеющие две вершины, напоминающие рога быка.

В шаманской мифологии бурят Буха-нойон — это западный хан, сын Эсеге Малан-тенгри. Высший шаманский пантеон насчитывает 99 небесных божеств — тенгри, в их числе 55 западных (добрых) и 44 восточных (злых). Среди западных тенгри один из наиболее популярных — Эсеге Малан-тенгри — божество ясного неба. Тенгри имеют антропоморфный облик и ведут вполне человеческий образ жизни. Дети и внуки тенгри являются как бы посредниками между миром богов и миром людей. Дети тенгри — ханы (хаты) и нойоны — образуют второй после тенгри разряд шаманских божеств и также делятся на западных и восточных. Среди западных наиболее популярен превратившийся в быка и спустившийся на землю Буха-нойон баабай.

Буха-нойон имел девять сыновей-эжинов. В шаманской мифологии эжины (а также заяны) образуют третью по значимости группу богов. Эжины, внуки тенгри, которых великое множество, являются духами-хозяевами отдельных местностей (озера Байкал, истока Ангары, реки Иркуты), а также духами земли, вод, гор, тайги и т. п. (11, с. 196–198, 199–200).

Цикл мифов, связанных с Буха-нойоном, распространен у бурят Прибайкалья и Забайкалья, встречается также у монголов

Северной Монголии. «Со словом Буха-ноин, — писалось в XIX веке, — буряты соединяют понятие о земном боге, который покровительствует скотоводству, хлебному урожаю, произрастанию травы, рождению и здоровью детей» (15, с. 543).

Белый камень в Торской котловине является основным местом почитания Буха-нойона. Он пользовался и до сих пор пользуется большим почетом у местных бурят. Но если к приходу русских обряды на Белом камне были исключительно шаманистские, то впоследствии вокруг этого объекта разворачивается самая настоящая борьба. В первой половине XIX века в Тункинской долине активизирует миссионерскую деятельность как ламаистское, так и христианское духовенство. Тункинская долина становится местом их соперничества за души бурят-язычников.

До 1820-х годов православные миссионеры не сильно преуспели в своей деятельности в Торской котловине. К 1827 году крещеных бурят во всем Тункинском ведомстве насчитывалось всего 250 человек, из которых число торских бурят было, очевидно, совсем незначительно. Однако в апреле 1827 года, когда в православие обратился влиятельный бурят из 1-го куркутского рода Бархонов (по крещении Лука Михайлов), наступил перелом-

Две вершины Белого камня. Фото В. Петрова, 2008 г.

ный момент. Из Иркутска, где он принял крещение, Бархонов вернулся вместе со священником Николаем Батороевым (из аларских бурят), крестившим до 40 бурят из куркутского рода. В том же году новокрещенные буряты, перейдя к оседлому образу жизни, основали Гужирское селение (2, с. 213). Бархонов первым начал хлопотать о постройке православного храма в Торской степи (8, с. 563–564).

В ноябре 1841 года принял крещение бурят тэртэевского рода, заседатель Тункинской степной думы Бордой Порушенов (Павел Андреевич Пятницкий), вслед за которым крестилось до 800 тункинских бурят (из них до 200 торских). В 1843 году Порушеновым, ставшим к тому времени головой инородческой управы, была построена деревянная часовня на Гелотской сопке в полутора верстах от Гужир, а в августе 1852 года по его же инициативе построена и освящена во имя св. Николая деревянная Гужирская церковь (8, с. 565–567).

Наконец, в мае 1857 года приняли «святое крещение» бывший гонитель бурят-христиан тайша Тункинской степной думы Зангей Хамаков, второй тайша — его сын Дамба вместе «с женами и прочими родоначальниками». В том же году в Гужирской церкви вместо приезжавшего на службы за 27 верст тункинского священника появился собственный — перемещенный из Култукской церкви отец Григорий Щапов (брат известного историка и публициста А.П. Щапова). С этого времени начинается самостоятельное существование Гужирского миссионерского стана в Торской степи (одного из пяти по всей Тункинской долине) (8, с. 570–572).

К началу 1878 года в Гужирском миссионерском стане состояло крещеных инородцев — 1 551, а некрещеных — 801 человек. Миссионер-священник стана Иоанн Косыгин с удовлетворением писал: «Так в продолжение пятидесяти лет Христианство мало помалу водворилось в Торской степи и водрузило победоносное знамя Креста <...> Еще нельзя сказать, что здесь с корнем вырвано язычество; но благодарение Богу и за то, что язычество остается уже в меньшинстве» (8, с. 592).

Однако в противовес деятельности православных миссионеров в Тункинской долине действовало ламаистское духовенство. Первоначальное знакомство бурят Тункинской долины с ламаизмом, вероятно, произошло еще до 1727 года, т. е. до установления по Кяхтинскому договору с Китаем южной границы Российского государства, закрепившей тункинских бурят на территории долины. Но первый дацан в Тункинской степи — Кыренский, находившийся в 33 верстах на запад от села Тунки, вверх по течению реки Иркут, появился лишь в 1821 году (22, с. 672–673) (по И.А. Подгорбунскому — в 1818 г. /14, с. 239/). С этого времени

начинается быстрое распространение ламаизма в Тунке и наступление на шаманизм.

Деятельность ламаистского духовенства в первую очередь была направлена на ассимиляцию основных культов бурят-шаманистов, трансформацию их в соответствии с требованиями ламаистского ритуала. Так, в 1840-х годах на одной из вершин Белой скалы монгольским монахом-миссионером хорчит гэгэн хутухта (т. е. перерожденцем из монгольского племени хорчинов) Галсаном Содбо с помощью тайши Хамакова была построена небольшая часовня — бумхан. Буха-нойон был введен в буддийский пантеон под именем бога богатства Ринчин-хана. В ламаистской иконографии Ринчин-хан изображается всадником на белом коне, его атрибутами являются железный крюк в правой руке и чиндамани (драгоценность, исполняющая желания) — в левой (9, с. 137, 138–139).

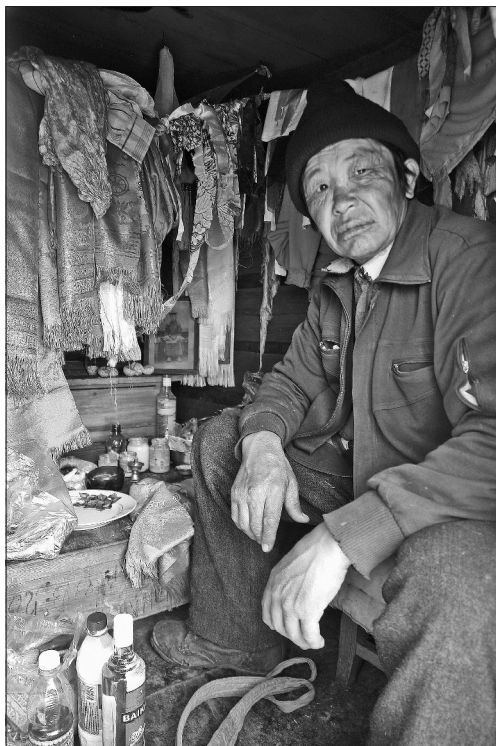
Канонизация шаманистских культовых мест сопровождалась также переменами в обрядовой практике. Переименовав Буха-нойона в Ринчин-хана, Галсан Содбо составил в честь Ринчин-хана обрядник жертвоприношения с ритуальными текстами-солчитами. Шаманы стали считаться нечистыми — бузартай. Теперь общественные обряды на бывших шаманистских объектах, в том числе и на Ринчин-хане, стали проводиться ламами или стариками-хадаши, которых ламаистское духовенство, по видимому, не считало опасными соперниками (23, с. 34–35).

В 1861 году в противовес построенному на Белом камне ламаистскому бумхану архиепископ Иркутский Парфений «в поражение этого суеверия и в прогнание окружающей мглы язычества водрузил на другой вершине скалы победоносное знамя Христова — животворящий крест» (21, с. 453).

Известный исследователь Центральной Азии и Сибири Г.Н. Потанин писал в этот период: «Прежде женщины подходили к Буха-ноину и исцелялись; после того, как на одной из двух вершин (прежде на обеих были обо) поставили крест, женщины перестали исцеляться, и буряты говорят, что бог оставил эту гору» (17, с. 264).

Водружение православного креста на древнем культовом месте настолько раздражило бурят, что «они несколько раз пытались даже низринуть христианскую святыню». В результате «Сагаугун-Сырдек с животворящим крестом стал как бы знаменем начала борьбы в Тункинском крае, не минувшей политической, а духовной борьбы православия с язычеством» (21, с. 453). Говоря о язычестве, православные миссионеры понимали под ним как шаманизм, так и ламаизм.

Продолжение миссионерской деятельности православного духовенства в Тункинском крае, все увеличивающееся количество крещеных бурят давали основание к радужным перспективам: «христианству в Тунке в недалеком будущем предстоит полная победа над мрачным язычеством» (21, с. 453–454). Бесспорным подтверждением «торжества веры Христовой» православное духовенство сочло и устройство в 1886 году православной часовни на Сагаугун-Сырдаке, «воздвигнутой усердием христиан-инородцев Гужирского стана» (21, с. 448).

В бумхане. Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

1 июля 1886 года произошло освящение часовни во имя «соименного» архиепископу Иркутскому св. Парфения, чудотворца лампсакийского. В 8 часов утра начальник Иркутской духовной миссии преосвященный Макарий «в соупутствии» благочинного священника Стефана Благообразова, протодьякона В. Попова, миссионера-священника Иоанна Косыгина и других духовных чинов отправились из села Гужиры «на Буханойон». Их сопровождал новоизбранный тайша Тункинской степной думы В.Н. Дорофеев, «окруженный целою кавалькадой инородцев».

Предоставим дальнейшее слово очевидцу события, миссионеру-священнику Николаю Стукову: «От Гужир до Сагаугун-Сырдак считается 15 верст. На 13 верст дорога экипажная и пролегает по живописной равнине, усаженной местами рябиновыми и облепиховыми рощами. Расстояние это проехали с удобством. Затем, у подножия горного хребта, дорога обозначается между березняком узкою крутою тропинкою. Оставив здесь экипажи, все поехали верхом, причем путников

поминутно хлестало мокрыми от дождя древесными ветвями. Когда подъем, покрытый лесом, кончался, взорам открылся величественный Сагагун-Сырдек, на остроконечных вершинах которого едва уместились на одной — православная часовня, а на другой — ламайская кумирня. Приблизительная высота скалы около 200 сажен и масса людей, заранее взобравшихся на нее, казались чем-то вроде муравейника. Дивиться нужно тем усилиям, с какими строители часовни поднимали лес на такую высоту. В половине 11 часа цель путешествия наконец была достигнута. Облачившись в малое архиерейское облачение, владыка, в сослужении благочинного священника Иоанна Косыгина и миссионера-священника Николая Стукова, начал молебен с водоосвящением св. Парфению, лампсакийскому чудотворцу. После молебна совершенно по чину кропление св. водою стен часовни и провозглашено многолетие, между прочим, преосвященнейшему Макарию, освящавшему сию часовню, создателям ее и христианам Тункинского края*. Затем владыка обратился к многочисленному собранию инородцев с увещанием оставить нелепое их суеверие относительно Буха-Ноена, не осквернять священное ныне место идолослужениями, но, напротив, посещать его по временам для молитвы истинному Богу и угоднику его св. Парфению. „Место это, — говорил владыка, — не потому святое, что здесь обитают, по вашему предрассудку, какие-то духи, но потому, что здесь стоит освященная ныне часовня“. Слова владыки передавались чрез переводчика, и слушатели, желая выразить, что понимают их, крестились и кланялись по направлению к часовне. Радостное настроение инородцев, их частое восклицание: „слава Богу! слава Богу!“ невольно поселяли в душе уверенность, что христианство в Тунке действительно находится накануне своего полного торжества» (21, с. 454–455).

К построенной часовне ежегодно в день памяти св. Парфения стали устраиваться крестные ходы из Гужирской Троицкой церкви (7, с. 614). Таким образом, на Белом камне наступило некое равновесие между разными религиями. На одном и том же культовом месте одновременно совершали свои обряды и шаманы — Буха-нойону, и ламаисты — Ринчин-хану, и православные — св. Парфению.

Однако в начале XX века установившаяся расстановка сил между религиями в Тункинской долине была в одночасье нару-

---

* Для часовни икона святителя Парфения лампсакийского пожертвована Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Вениамином, архиепископом Иркутским и Нерчинским. — *Примеч. Н. Стукова.*

Бумхан на Белом камне (справа — площадка, на которой стояла православная часовня). Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

шена. 17 апреля 1905 года Николаем II был издан именной высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости». Указом признавался юридически возможным и ненаказуемым переход из православия в другую, нехристианскую, веру тех лиц, которые лишь числились православными, а в действительности исповедовали веру, к коей до обращения в православие принадлежали сами они или их предки. Кроме того, впредь в официальных актах запрещалось именовать «ламаитов» идолопоклонниками и язычниками.

В результате этим указом был подведен «уничтожающий итог» многолетней миссионерской деятельности православной церкви по распространению христианской веры среди бурят, и особенно в Тункинском крае. Иркутский епархиальный миссионер И. Климяк так писал в 1913 году о Гужирском миссионерском стане: «К сожалению, и этот стан, как и другие тункинские станы, постигла общая разрушительная участь: почти все из числившихся христианами обращенные буряты после 17 апр. 1905 г. отпали в ламаизм» (7, с. 582–583).

Такой результат не покажется удивительным, если рассмотреть, как крестились тункинские буряты. Деятельность православных миссионеров заключалась главным образом в обращении в лоно православной церкви как можно большего числа

язычников. Часто крещение проходило по примеру вслед за крестившимися влиятельными сородичами. Несостоятельные буряты принимали крещение, чтобы воспользоваться льготой на освобождение от уплаты ясака на три года. Более того, нередко буряты рассматривали крещение как акт, приносящий им материальную выгоду. В целях получения подарков в случае принятия православия (рубах, продовольствия и др.) они проходили обряд крещения по нескольку раз (13, с. 276; 18, с. 239–240).

Один из современников, иркутский врач Н.А. Белоголовый, описав в своих воспоминаниях анекдотическую встречу в Торской степи во второй половине 1850-х годов с «крещеным» бурятом по имени Тыр-Тыр, заключал: «В то старое отдаленное время подобных христиан можно было встретить множество среди бурят; за рубль серебром и за новую рубаху они охотно шли креститься, вносились в списки христиан, а затем по-прежнему отправляли свое идолопоклонство» (4, с. 316).

Процесс христианизации, таким образом, изначально воспринимался бурятами не серьезно, поверхностно. И сами священники-миссионеры отмечали, что большая часть новокрещеных бурят «хотя и приняли христианство, но в душе своей сильно еще были привязаны к верованиям своих предков, расстаться с которыми они никак не могли вдруг» (8, с. 571).

Вскоре, однако, еще более мощный удар обрушился на приверженцев как православия, так и ламаизма. Революция 1917 года и последовавшее за ней установление советской власти привели к отчуждению религии от государства, к повсеместному закрытию храмов всех конфессий, к преследованию и православных священников, и лам, и шаманов.

Тем не менее посещения Белого камня местным населением не прекращались и в советское время. Русские старожилы Гужир рассказывают, что посещали Белый камень в Духов день (понедельник, следующий день после Троицы). Собиралось много народа, на конях добирались до подножия горы, пешком поднимались к часовне. После спуска разжигали внизу костры, варили еду и гуляли до вечера.

Православная часовня на Белом камне продолжала посещаться в течение нескольких десятилетий после революции. Последним, кто руководил этим, был гужирский житель Иннокентий Иванович Усольцев (1865–1958). Вскоре после его смерти часовня окончательно обветшала и разрушилась. Летом 1990 года участники историко-культурной экспедиции Бурятского научного центра обнаружили на месте православной часовни «лишь сгнившие обломки». Зато на втором выступе скалы стоял «совершенно

новый бумхан со всем необходимым внутренним оборудованием» (12, с. 27).

По материалам полевых исследований бурятского этнолога О.А. Шаглановой, в 1980-х годах, после нескольких десятилетий жестких запретов, произошла некоторая легализация религиозных представлений и практики тункинских бурят. В это время вновь активно стали проводиться общественные обряды жертвоприношения — тайлганы, в том числе и на Белом камне. В колхозе имени Ленина, собирая деньги с каждой семьи, выписывали из колхозного стада барана для жертвоприношения Буха-нойону. Местные власти не только не препятствовали этому, но подчас и принимали участие в «коллективных выездах на природу». «Эти мероприятия, — писала О.А. Шагланова, — отличались организованностью, а цели представлялись довольно смутно, сливаясь с праздничными настроениями и поводом погулять для основной массы участников» (24, с. 133).

В настоящее время культ Буха-нойона, являющегося одним из пяти главных божеств-хатов в пантеоне тункинских бурят, «обретает новые силы и значение» (12, с. 27). Обрядовые действия, посвященные Буха-нойону, не распространяясь на всю Тунку, ограничиваются Торской котловиной, на территории которой находится несколько близко расположенных друг к другу населенных пунктов — Гужиры, Саган-Угун, Далахай, Хонгодоры, Шулуты, Торы, Зун-Мурино. Ежегодно на Белом камне торскими бурятами устраиваются общественные тайлганы, посвященные Буха-нойону как «хозяину» данной местности. Основой тайлгана традиционно является жертвенно-умиловительный обряд, сопровождающийся празднеством, а раньше и спортивными состязаниями. Цель обряда — умиловить «хозяина», чтобы он покровительствовал жителям данной местности, способствовал их благосостоянию. Считалось и считается, что от Буха-нойона зависит умножение и благополучие скота — основы жизни бурят-скотоводов (24, с. 22). Г.Н. Потанин писал в конце XIX века, что каждый аларский бурят считал своим долгом хотя бы раз в жизни принести жертву Буха-нойону (17, с. 84). Даже «самые хоринцы, — вторил ему православный миссионер Стуков, — испуганные буддисты, нередко приезжают по обету в Тунку для принесения жертвы Буха-нойону и для поклонения святым местам, освященным его стопами!..» (19, с. 184)

Тайлган Буха-нойону обычно проводится в мае, конкретный день определяется по лунному календарю. В 2008 году посещение Белого камня состоялось 13 мая, на нем побывал и автор данной статьи.

У бурят Торской котловины имеется несколько почитаемых и ежегодно посещаемых мест. При этом жертву бараном приносят обычно лишь на одном из них. «На каждом не получается — дорого, баран нынче стоит 4 тысячи рублей, — говорит «распорядитель» действия Виктор Бадмаевич Марянов. — Буха-нойон спит сел к нам, поэтому плохо живем; лицом — к Аларской степи, они богато живут».

Для проведения всех обрядовых посещений проводится сбор денег, расходуемых на закупку жертвенного барана и необходимых продуктов. В 2008 году жители Далахайского куста (Далахай, Саган-Угун, Хонгодоры, всего 87 дворов) собрали 23 тысячи рублей (по 250 рублей со двора). В предыдущем году денег было значительно больше («родственники помогли»). Тогда «барана приносили» на Улан-Хаде и Белом камне. В 2008 году к моменту посещения Буха-нойона жертвоприношение барана уже состоялось — на Улан-Хаде, 5 мая.

13 мая к 11 часам утра возле далахайского магазина собралось около 20 человек, в основном из селений Далахай и Хонгодоры, которые отправились к Белому камню на двух УАЗиках и трех лошадях. В предыдущие годы ездило 30–35 человек, в текущем помешали случившиеся в тот день похороны.

Во время тайлгана. Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

Как обычно, непосредственное участие в тайлгане Буха-нойону принимают только мужчины. На территории, прилегающей к священному месту, издавна существуют определенные запреты и нормы поведения. К их числу относятся запрет на всякую производственную деятельность вблизи сакрального места и половое ограничение участников обрядовых действий. Еще в конце XIX века писалось, что женский пол «не мог и до сих пор не может восходить на утес Буха-ноин, а поклонялся и поклоняется своему покровителю издали, стоя у подошвы горы или на так называемой Буха-ноине тала. Самый лес у горы Буха-ноин тункинские буряты и гужирские казаки не смеют рубить для домашнего употребления. Сертей — „заповедной, запрещенный“, говорят они» (20, с. 363). Сегодня, как и прежде, считается, что девушкам и женщинам, приблизившимся к Белому камню, грозит бесплодие. Женщины пожилого возраста допускаются к участию в тайлгане, но подниматься на вершину Белого камня, к бумхану, и им не положено.

Обряд почитания Буха-нойона (Ринчин-хана) проводится у подножия горы на небольшой поляне возле протекающего здесь ключика. К моменту приезда далахайской группы место оказалось занятым. На скамейках за сбитым из досок четырехметровым столом расположилась группа бурят, приехавших из села Зун-Мурино. Всего в качестве представителей селения приехало восемь человек (в том числе две женщины). Также отдельно совершают тайлган на Белом камне и буряты из села Торы.

На земле рядом со столом установлена вырезанная из дерева скульптура Буха-нойона длиной 60 сантиметров и высотой около 30 сантиметров. В сухой траве перед скульптурой лежат монеты, под разноцветные ленты, которыми повязана шея Буха-нойона, подоткнута 50-рублевая купюра. Вокруг на деревьях повязаны хадаки и ленточки.

Пока зун-муринская группа не завершила свои обрядовые действия, пока их посланцы не спустились с Белого камня, далахайская группа спокойно ожидала. Часть людей уселась за свободным концом стола, коротая время за игрой в карты на небольшие деньги, другие разговаривали, сидя в машинах.

С отъездом зун-муринских бурят игра в карты прекратилась. На стол стали выставлять жертвенную еду: бутылки с водкой и молоком, масло в полиэтиленовых пакетах, банках и баночках, коробки развесных конфет и печенья. Одновременно на поляне начали разжигать два костра, устанавливая казаны для варки саламата и чая.

Скульптура Буха-нойона. Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

Обряд, проводившийся далахайским шаманом Александром Петровичем Игнашкеевым, начался с освящения выставленной на столе жертвенной еды. Затем перед столом в сторону Белого камня была установлена длинная металлическая жаровня на невысоких ножках, которую наполнили горящими углями. На угли были положены частицы жертвенной еды (хлеб, масло, конфеты и др.), а также веточки можжевельника. Шаман, выступив вперед и встав лицом в сторону Белого камня, произносит молитву-призывание, во время которой подносит сэржэм — наливает в стопку водку из бутылки и разбрызгивает ее по сторонам.

Когда призывание было завершено, наступило время подъема на Белый камень. В заплечный мешок уложили освященные ритуальные подношения: три бутылки — водки, молока и черного чая, понемногу печенья и конфет. Два всадника и группа молодых парней начали восхождение к бумхану на вершине Белого камня, чтобы оставить там приготовленную жертву Буха-нойону (Ринчинхану).

На подступах к скале всадники остановились, подождали пешеходов, окурились дымом зажженной веточки можжевельника, трижды обнеся ее вокруг себя, «побрызгали», выпив по стопке водки. Очистившись, дальше пошли пешком.

Взобравшись на вершину к дощатому бумхану (2 x 2 x 2 м), оббитому белой нержавеющей жстью, наполнили тарелку горящими углями, предварительно разведя небольшой костерок под скалой. На дымящиеся угли положили принесенные дары и воскурили ветку можжевельника, наполнив дымом все пространство бумхана. По очереди выпили из каждой принесенной бутылки. Покрутив находящийся здесь молитвенный барабан, помолились «бурхану».

К возвращению группы на поляне был сварен саламат, выставленный на столе в тарелках вместе с нарезанным хлебом. Во втором казане сварен чай с молоком. Саламат — традиционное бурятское блюдо, приготавливаемое из сметаны с добавлением муки, — обязательно варится при совершении различных ритуалов и обрядов. Раньше по качеству этого блюда предсказывали исход дела, события, по поводу которого совершался обряд. Если при приготовлении саламата масло отделялось быстро и он «получался» — ожидали удачу (1, с. 18).

После завершения обрядовой части тайлгана ритуальная еда распределяется на множество равных частей. По нескольку конфет и печений, а также «аршан» (чай с молоком) в бутылках разбирают присутствующие. Все это будет развезено по семьям, внесшим деньги на проведение обряда. Члены семей должны отведать освященную еду и освятить аршаном дом, двор, домашний скот («чтобы скота много было, чтобы волки не съели»).

Этим тайлган как религиозный обряд за-

*Освящение ритуальной пищи.
Фото Ю. Лыхина, 2008 г.*

Распределение ритуальной еды. Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

канчивается. К 17 часам на поляне у Белого камня все действие завершилось. «Водки мало было. Раньше боролись, коня забивали», — подводит итог тайлгану шаман. Коня «приносили» в последний раз в 1937 году, с той поры «только барана». Кроме того, раньше обрядовые действия на поляне сопровождались соревнованиями по борьбе и конными скачками.

В советское время обряд заметно упростился, произошло вынужденное сокращение обрядовой практики. Тайлган уже не является большим массовым праздником, теперь в нем участвует ограниченная группа людей — представителей сел. Кровавые жертвы часто заменяются белой ритуальной пищей. Несомненно и то, что сегодня суть проводимого обряда не осознается верующими так же глубоко, как в прошлые времена. Некоторые из присутствующих на тайлгане бурят смутно представляют, кому они поклоняются. Белый камень называется то Буха-нойоном, то Ринчин-ханом, то просто Бурханом. И тем не менее, несмотря на прошедшие столетия и различные перипетии вокруг скалы, Белый камень по-прежнему остается одним из наиболее почитаемых мест в Торской котловине. Подвергшись в течение времени заметной трансформации, этот изначально родоплеменной культ тотемного предка бурят (булагатов) является сегодня ти-

пичным примером религиозного синкретизма, в котором слились шаманистские и ламаистские представления тункинских бурят.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабуева В.Д. Мир традиций бурят. Улан-Удэ, 2001.
2. Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: энциклопедический справочник. Улан-Удэ, 2001.
3. Жуковская Н.Л. На перекрестке трех религий (из истории духовной жизни бурятского села Торы) // Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995.
4. Знаменский М.С., Белоголовый Н.А. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988.
5. Зомонов М.Д., Манжигеев И.А. Краткий словарь бурятского шаманизма. Улан-Удэ, 1997.
6. Кислов Е.В. Памятники природы Тункинского национального парка. Улан-Удэ, 2001.
7. Климюк И. Поездка Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Серафима, Архиепископа Иркутского и Верхоленского в Тунку // Иркутские епархиальные ведомости. 1913. 1 октября (№ 19). Прибавления, с. 578–583; 15 октября (№ 20). Прибавления, с. 612–620.
8. Косыгин И. Очерк истории распространения христианства между тункинскими бурятами на Торской степи за истекшее пятидесятилетие (1827–1877) // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1885. Т. 3: 1873–1877. С. 558–599.
9. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск, 1983.
10. Лехатинов А.М., Лехатинова Э.Б. Объекты экологического мониторинга и познавательного туризма национального парка «Тункинский»: научно-информативный путеводитель. Иркутск, 2008.
11. Мифы народов мира: энциклопедия. 2-е изд. М., 1991. Т. 1.
12. Михайлов Т.М. О Буха-нойоне // Этнологические исследования. Улан-Удэ, 2000. Вып. 1. С. 14–28.
13. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1.
14. Подгорбунский И.А. Буддизм, его история и основные положения его учения. Иркутск, 1900.
15. Поездка Высокопреосвященнейшего Парфения, архиепископа Иркутского в Тункинский край в месяце июле 1871 г. // Иркутские епархиальные ведомости. 1884. 15 декабря (№ 50). Прибавления, с. 541–544.

16. Поездка Преосв. Вениамина, Епископа Иркутского и Нерчинского в Тункинский край в сентябре 1874 года // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1885. Т. 3: 1873–1877. С. 140–153.

17. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического общества. Вып. IV: Материалы этнографические. СПб., 1883.

18. Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. IV: Тунка // Древняя и новая Россия. 1875. № 11. С. 239–240.

19. Стуков. О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности. (По чисто народным легендарным преданиям) // Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881. Отд. II, с. 162–189.

20. Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге // Иркутские епархиальные ведомости. 1879. 11 августа (№ 32). Прибавления, с. 357–364.

21. Стуков Н. Обзорение преосвященным Макарием, начальником Иркутского отдела духовной миссии, миссионерских станов в Тункинском ведомстве и освящение часовни на скале Сагаугун-Сырэдэк // Иркутские епархиальные ведомости. 1886. 11 октября (№ 41). Прибавления, с. 447–455.

22. Чистохин И. Историческая заметка о первоначальном распространении христианства и ламства среди Торских и Кырэнских инородцев: (Заимствовано из устных преданий) // Иркутские епархиальные ведомости. 1898. 1 декабря (№ 23). Прибавления, с. 645–648; 15 декабря (№ 24). Прибавления, с. 672–675.

23. Шагланова О.А. Влияние мировых религий на шаманизм у тункинских бурят (по материалам исследования Тункинско-го района Республики Бурятия) // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие: материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.). Иркутск, 2005. С. 33–41.

24. Шагланова О.А. Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX–XX в.). Улан-Удэ, 2007.